

элемента как уровень доверия в обществе. Неслучайно первую часть своей работы Фукуяма назвал следующим образом: «Идея доверия: невероятная роль культуры в созидании экономического общества»¹.

Раздел III

КРЕАТИВНОСТЬ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ВЫРАЖЕНИИ

А.И. Матвеева, К.П. Стожко

ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ СУБЪЕКТОВ СОЦИАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА

Духовный потенциал личности является продуктом *духовного делания* и составным компонентом ее трудового потенциала.

Трудовой потенциал в целом – это «мера наличных ресурсов и возможностей, непрерывно формируемых в процессе всей жизни человека, реализуемых в трудовом поведении и определяющих его реальную плодотворность»². В философской и социологической литературе уже достаточно основательно разработана морфология трудового потенциала личности (который включает психофизиологические, ценностно-ориентационные, нормативно-ролевые, адаптационные и статусные *компоненты*, а также различные элементы: пол, возраст, характерологические особенности, работоспособность, выносливость, состояние здоровья и проч.).

Но, вместе с тем, все еще слабо отражены особенности смысло-содержательные аспекты трудового потенциала личности. Он рассматривается чаще всего как *простая совокупность* определенных способностей и умений, условий и факторов их порождающих. Характерологические, психофизиологические и ценностно-ориентационные особенности в структуре трудового потенциала личности в значительной степени остается все еще за скобками научного анализа. Такие духовные свойства личности, как терпение, упорство, настойчивость, ответственность часто просто вообще исключаются из структуры трудового потенциала человека, рассматриваются как нечто второстепенное, не имеющее непосредственного отношения к формированию способности к труду. А ведь еще Иоанн Лествичник

¹ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2008.

² Шаталова Н.И. Трудовой потенциал работника. М., 2003. С.7.

указывал на *терпение* как на очень важную характеристику способности человека к труду. Ефрем Сирийский также отмечал важность для успешной жизнедеятельности человека таких его душевных добродетелей, как мужество, благоразумие, целомудрие и справедливость. На значение духовных сил человека в деле организации его трудовой, а шире – всей хозяйственной деятельности указывали многие авторы: Иоанн Златоуст, Антоний Великий, преподобные Варсонофий и Иоанн, и т.д. Если же говорить о русском человеке и его трудовом потенциале, то, на наш взгляд, он обладает определенной спецификой, которую еще в XIX выявляли и анализировали многие представители экософского направления представители славянофильства и т.п. Такие характеристики трудового потенциала русского человека, как собранность, софийность, сигизийность, жертвенность, служение, упорство, основательность и т.д., достаточно подробно раскрываются и в современной литературе ¹.

Особый интерес представляют *механизмы саморегуляции и саморазвития* трудового потенциала личности субъекта социального творчества. И здесь необходимо определить в первую очередь *место* трудового потенциала в структуре более широкого феномена – личного потенциала. Последний, как известно, включает (помимо трудовых) *все* (?) характеристики (способности) личности, в том числе, и ее способности к отдыху, наслаждению и т.д.

Следует ли под личностным потенциалом подразумевать то, что сохраняет (*conservatorio* – сохраняю) человека и обновляет его? Или же сюда необходимо включать и деструктивные свойства и характеристики личности – вопрос, пока не имеющий однозначного решения. Некоторые авторы, как например К. Касьянова, считают правомерным включать *все* (как конструктивные, так и деструктивные) характеристики и свойства личности в ее потенциал. Используя в свое время зарубежный тест ММРІ – Миннесотский многофакторный личностный опросник, К. Касьянова написала книгу под названием «О русском национальном характере» (1994), в котором изобразила русского человека как весьма бестолкового и неорганизованного работника с довольно низкими запросами и самооценкой. Вряд ли такой вывод справедлив, тем более что он сделан: 1) на основе чужого, инокультурного (иностранного) теста, не отражающего особенности ду-

¹ См.: Каменских Н.В., Стожко К.П. Русское хозяйство: Философский аспект анализа. Екатеринбург, 1999; Платонов О. Русский труд. М., 1991; Марцева Л.М. Труд в контексте российской цивилизации. Омск, 2002.

ховного мира и трудового потенциала именно русского человека; 2) на основе неструктурированного анализа, не учитывающего специфическую иерархию конкретных характеристик в структуре национальных типов личностного потенциала.

По нашему мнению, личностный потенциал как *возможность* предполагает не самоуничтожение или разрушение человека, а его развитие и совершенствование. Именно такой смысл вкладывает любой *нормальный* человек, рассуждая о личностном потенциале. Еще более очевидным это становится в контексте исследования *трудового потенциала*, который полагается нами как созидательный, а не разрушительный признак человеческой личности. Наконец, когда речь идет о *духовном потенциале*, то здесь идеалы, абсолютные ценности, мотивы созидания и житнетворения вообще не оставляют места для волюнтаристки-расширительной интерпретации понятия «потенциал». Ведь этот самый потенциал как *абстрактность* мы непременно прилагаем к *конкретности*, которая и составляет его *предметность* и *определенность*. Но только больное воображение может предположить, что в структуру такого потенциала нужно включать *деструктивные* характеристики: например, манию преследования, гипертрофированное самомнение, чванство или небожителство.

В *нормальном* и здравом смысле слова *потенциал* есть набор *конструктивных* способностей и характеристик человека. При этом необходимо иметь в виду, что «человеку от природы присуща способность распознавать и отличать духовное, а также склонность принимать дух и включать его в свою жизнь. Именно их (*эти способности – авт.*) имел в виду Платон, истолковывая земную очевидность как «припоминание» идей, предвечно созерцавшихся человеком в мире сущего бытия»¹. То, что мы, современные люди, не задумываемся над происхождением этих наших способностей, не культивируем их в себе, удовлетворяемся поверхностными мифологемами (типа «*де-жавю*»), вовсе не означает, что мы утратили эту самую «*присущность*», эту, дарованную нам *свыше* и *изначально*, способность *различать* духовное и бездуховное. И произрастающие на этой почве мнимой утраты нашей духовности расхожие суждения о том, что и дух будто бы бывает не только добрым, созидательным, творческим, но и злым, разрушительным, уничтожающим, имеют своим основанием не подлинное и правильное понимание духовности, а сведение ее к простой инновационности, к меркантильной инженерийности, к конъюнктур-

¹ Ильин И.А. Путь к очевидности // Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1998. С.701.

ному модернизму. Но такое «сведение» не имеет ничего общего с научностью, поскольку представляет собой элементарный редукционизм.

В связи с этим, следует подчеркнуть, что именно *трудовой потенциал* является *ядром* личностного потенциала: он притягивает к себе все другие (под)потенциалы личности и аккумулирует их подобно ядру атома, притягивающего к себе элементарные частицы: электроны, протоны, нейтроны, мезоны и т.д. Благодаря трудовому потенциалу происходит самосовершенствование личности, которая проходит в рамках этого процесса те же фазы, что и сам трудовой потенциал: зарождение, формирование, созревание, реализация. В фазе *зарождения* человек приобретает лишь *отдельные* свойства и элементы трудового потенциала. Следовательно, сам по себе, трудовой потенциал личности еще не обладает признаками *целостности* и *полноты*. *Зарождение* – это *внутреннее* (!) появление и развитие задатков, которые даны человеку от рождения. На фазе *формирования* трудовой потенциал личности оказывается под влиянием не только личной активности самого человека, но и под влиянием внешних сил (внешним воздействием). На этой фазе происходит оформление трудового потенциала как общественной характеристики личности, как признака ее, личности, социализации. На третьей фазе – *созревание* – трудовой потенциал обретает признаки *полноты* и *целостности*, *системности* и *предметности*. Он становится *комплексом* способностей личности к трудовой деятельности, благодаря чему становится возможной *самореализация* личности. Наконец, на фазе *реализации*, т.е. практического применения трудового потенциала личности, сама возможность самореализации личности превращается в действительность. Таким образом, трудовой потенциал находится в постоянном развитии, характеризуется своей собственной социокультурной динамикой и пространственно-временными координатами. В рамках цикличности жизни человека (детство, отрочество, юность, зрелость и старость) трудовой потенциал личности характеризуется разной структурой и иерархией составляющих его элементов и свойств.

Естественно, что роль *духовной практики* в формировании *трудового потенциала* личности на разных этапах ее жизнедеятельности принципиально различная. Молодые люди меньше настроены на абсолютные ценности своего бытия; они – более прагматичны и функциональны; они не задумываются о смысле жизни, а их мышление более приземленное. Иное дело, люди зрелого возраста или престарелые люди: они в большей степени склонны к размышлениям о смысле

жизни, более последовательно ориентированы на высшие, предельные основания и ценности бытия; они, возможно, менее активны физиологически, но зато гораздо больше молодых активны духовно и интеллектуально. Не случайно пору юности иногда называют порой временного инфантилизма. «Блажен, кто в юности был молод, блажен, кто вовремя созрел» – писал когда-то А.С. Пушкин.

Означает ли это, что в детстве или юности трудовой потенциал личности деформирован? Конечно, нет, поскольку речь идет о *естественном* состоянии трудового потенциала, находящегося в фазе формирования и развития. Но следует обратить внимание, что состояние трудового потенциала на этих этапах жизни человека оставляет ему (человеку) большой простор для реализации других различных конструкторов (элементов) в его (потенциала) структуре, например, для реализации физиологических возможностей. Однако состояние именно трудового потенциала определяет социальное самочувствие личности. Социальное самочувствие отражает в свою очередь, особенности социальной позиции человека как общественного существа. Именно неразвитость трудового потенциала на ранних этапах становления личности как раз и предопределяет асоциальное ее поведение, ее индифферентность, равнодушие, социальную несамодостаточность, а порой – и антисоциальные проявления. Означает ли это, что личность такого человека не целостная? Естественно, поскольку целостность определяется зрелостью, когда, пользуясь словами Аристотеля, «целое мы определяем так: то, в чем ничего не отсутствует, а у чего что-то отсутствует и находится вне его – то не целое, чтобы ни отсутствовало». Вывод греческого философа о том, что «целое и совершенное (законченное) либо тождественны, либо близки по значению»¹ наводит нас на мысль что совершенствование как процесс «духовного делания» лежит в основе самого духовного потенциала.

Иначе говоря, именно *духовный труд* как «работа со смыслами» (В. Соловьев) созидает трудовой потенциал человека. И для осуществления такого *духовного труда* одинаково важны и научный поиск, и молитва, и новация, и традиция. Именно *равновесие* между всеми компонентами духовного труда повышает социальное самочувствие человека, делает его *оптимистическим*, когда личность ощущает свою сопричастность миру, верит в будущее, настроена на созидание, нацелена на осуществление добра. Нарушение же *равновесия* между компонентами духовного труда ведет к появлению *пессимистическо-*

¹ Цит. по: *Спиркин А.Г.* Сознание и самосознание. М., 1972. С.280.

го социального самочувствия, которое проявляется в нигилизме, неверии в будущее, в чувстве утраты перспективы, постоянном ощущении собственной ненужности и бесполезности.

Духовный труд представляет собой напряжение не только человеческого ума, но и человеческого сердца в поиске возможностей реализовать естественную способность личности к созиданию добра. Именно напряжение ума и сердца создают тот необходимый настрой души, который созидает дух, т.е. *создает* его предметность в деятельности человека, наполняет ею человеческие поступки, вводит ее в человеческую материально-предметную практику. Одухотворение результатов обычного физического труда посредством «духовного делания» (И. Ильин) означает, что вещи (артефакты) и институции (нормы), создаваемые человеком, приобретают некий *духовный смысл*, совершенно определенное моральное, нравственное, этическое и эстетическое значение. И тогда не только кадило или хоругвь, алтарь или дарохранильница будут являться сакральными по своему смыслу вещами. Но и все те вещи (блага), в которые человек вложил свою душу, свое сердце будут произведениями не только его физического или умственного труда, но и труда духовного.

Прав был И.А. Ильин, когда утверждал: «Хозяйствуя (трудясь – *авт.*), человек не может не сживаться с вещью, вживаясь в нее и вводя ее в свою жизнь. Хозяин (труженик – *авт.*) отдает своему участку, своему лесу, своей библиотеке не просто время и труд; он не только «поливает потом» свою землю, дорабатывается до утомления, до боли, до ран на теле; он *творчески* (выделено нами – *авт.*) заботится о воем деле, вчувствуется в него, радуется и огорчается, болеет сердцем <...>. Это означает, что человек связывается с вещами не только «материальным» интересом, но и волей к совершенству, и *творчеством* (выделено нами – *авт.*), и любовью»¹. В этих проникновенных словах русского философа звучит манифест человеческому труду, трудовой собственности, творчеству цельной личности. Поэтому можно с полным основанием сделать вывод о том, что когда духовность пронизывает трудовой потенциал личности, этот (трудовой) потенциал реализуется в виде социального творчества. Взятый вне духовности и без духовности трудовой потенциал личности обрекает ее (личность) на рутинный и бездарный труд, не более того. И хотя *любой* труд *достойн* человека потому, что само достоинство человека по отношению ко всему определяется его, человека, трудом (как родовой характеристи-

¹ Ильин И.А. О частной собственности // Русская философия собственности. XVIII-XX вв. СПб., 1993. С.125.

кой самого человека), именно *творческий труд* как суть социальное творчество, наполненный высшими духовными силами и смыслами, отражает *высшую* (предельную) *меру* (степень) самореализации личности и ее самосовершенствования.

Однако если вернуться к вопросу о месте трудового потенциала в структуре личностного потенциала, необходимо рассмотреть проблему *замещаемости*. Иными словами, нам следует определиться с тем, означает ли развитие именно трудового потенциала и именно на основе духовной культуры отказ от развития всех других (под)потенциалов в структуре личностного потенциала как *целого*. Формально, если такой отказ имеет место, то вроде бы утверждения о целостности самой личности элиминируются. С другой стороны, известный закон экономии времени предполагает отказ от одного (под)потенциала в пользу другого. В конце концов, человек всегда вынужден осуществлять выбор: ограниченность временных и всяких иных ресурсов предполагает такой выбор с неизбежностью земного притяжения или космической невесомости. Но и невесомость в космосе можно преодолеть, равно как и земное притяжение.

«Настроенность всех душевных сил в направлении решения определенной проблемы у многих ученых, философов, изобретателей требует свободы от других обязанностей, особенно тех, которые требуют приспособления к сложной изменчивой обстановке текущей жизни» – указывал Н.О. Лосский¹. Иначе говоря, необходима некая душевная специализация, когда, например, занятия спортом или наукой предполагают отказ от реализации всех остальных потенций человека. Но это – *видимый* отказ, поскольку человек не может перестать заниматься другими вещами: сексом или спортом, отдыхать или даже просто (хотя бы временно) бездельничать. На практике происходит все как раз наоборот: именно *все* потенции человека, *все* (под)потенциалы в структуре его личностного потенциала направляются, подчиняются и адресуются трудовому потенциалу (в его конкретной форме). Другие потенции не уничтожаются и не умерщвляются, а лишь встраиваются и подчиняются ключевой потенции, которая впитывает их подобно руслу реки, вбирающей в себя малые притоки и рукава. Спортсмен или композитор, художник или инженер начинают жить всеми силами своей души именно как создатели нового, творцы совершенного. Это, собственно говоря, и есть *сублимация*, т.е. перетекание различных потенций человека в какую-то опре-

¹ Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М., 1995. С.243.

деленную сферу его деятельности, в какой-то определенный род его занятий. Но трактовать такую *сублимацию* в духе Ф. Ницше, как некую неудовлетворенность или неспособность реализовать себя в иных (кроме конкретной) сферах деятельности, нам представляется и нелогичным, и, что самое важное, беспочвенным.

Осознанно или интуитивно осуществляемое *сублимирование* представляет собой *концентрацию* человеческого духа и трудовых усилий в конкретной области его жизнедеятельности. Объяснять это нереализованной сексуальностью (З. Фрейд), страхом (С. Кьеркегор), психопатией (Э. Фромм), истеричностью (В. Райх), страстью к бунтарству (А. Камю) или какими-либо иными патологиями все равно, что сравнивать аршины с квадратами, а вкус яичницы – с высотой телеграфного столба. Можно, конечно, патетически заявлять о том, то «к абсурдному творчеству необходимо предъявлять те же требования, что и к абсурдной мысли. Это бунт, свобода и многообразие»¹. Но «абсурдное творчество» это все равно, что «сухая влага» или «сапоги всмятку». Если под *творчеством* подразумевать не обычную модернизацию, не простое обновление (лишь бы сменить декорации или антураж!), не *элементарную* инноватику, а улучшение, усовершенствование, приближение к идеалу, устремленность человеческого духа к высшим ценностям бытия, – тогда все встает на свои места. Тогда понимание смысла и ранга творчества становится гарантией актуализации трудового потенциала личности; тогда человек не умирает духовно, а востребуется для духовной жизни; тогда человеческая самость от биологических конкретностей возвышается до предельной духовной очевидности; наконец, тогда сам человек превращается из результата жизненной эволюции в *созидателя* всей полноты и красоты жизни.

Формирование и развитие личности субъекта социального творчества происходит не просто под влиянием тех ценностей, которые уже сложились в *прошлый* период, но и под влиянием тех ценностей, которые возникают в самом процессе такого формирования и развития. И хотя, как поется в известной песне, «есть только миг между прошлым и будущим», в этот самый миг и появляются новые ценности, благодаря которым происходит верификация ценностей прошлого. Однако генезис личности субъекта социального творчества происходит в сфере не только духовного производства, как ее (личности)

¹ Камю А. Бунтующий человек: Пер. с фр. М., 1999. С.86

«общение» с ценностями духовной культуры, но и в сфере социального взаимодействия, как ее (личности) *нормотворчество*.

Известно, что П.А. Сорокин выделял несколько *модальностей* социальных систем взаимодействия: 1) одностороннее или двустороннее взаимодействие; 2) организованное и неорганизованное взаимодействие. Он также использовал для характеристики социокультурной динамики такого взаимодействия следующие признаки: экстенсивность и интенсивность взаимодействия, непрерывность и продолжительность, его направленность и организация¹.

На наш взгляд, в рассуждениях П.А. Сорокина допущена определенная некорректность, когда он, во-первых, предлагает называть *взаимодействием* одностороннее воздействие. Этот тезис встречается и в других сочинениях автора². Но термин *взаимодействие* предполагает не просто наличие как минимум двух сторон в структуре этого процесса, но и их *активность*. Когда же одна сторона выступает безответным (пассивным) объектом, а другая активным (энергичным) субъектом, то ни какого *взаимодействия* не происходит.

Во-вторых, тезис о *неорганизованном* взаимодействии также, по нашему мнению, поверхностен, поскольку если имеется взаимодействие (а не хаотическое воздействие), то *организация* такого взаимодействия как бы предполагается *a priori*³. В сфере социального взаимодействия примеры *видимого* хаоса (неупорядоченности) мы можем обнаружить тогда, когда оно осуществляется не системно (спонтанно) и не регулярно (дискретно). Но *хаос* ли это? Можно ли любые социальные возмущения (бифуркации) называть проявлением хаоса? Или правы были древние римляне, когда, разрабатывая собственную систему права, в ее основу положили ключевой критерий: «Ищи, кому выгодно!», а случайность называли непознанной закономерностью.

Иная ситуация складывается в случае реального взаимодействия: оно основано на организации (организованности), которая, конечно, может быть эффективной или неэффективной, но которая по определению *уже есть*. В противном случае не будет и взаимодейст-

¹ См.: Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М., 2006. С.551-560.

² См.: Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. М., 1994. С.14.

³ В известном голливудском к/ф «Игры разума» известный математик и будущий Нобелевский лауреат Р. Нэш, занимаясь проблемой управляемой динамики, открыл формулу динамического равновесия. Изучая поведение голубей на лужайке, он пришел к выводу о наличии в любой форме взаимодействия (в том числе и в социальном взаимодействии) определенных закономерностей, выражающих организацию такого взаимодействия. Формула равновесия Р. Нэша является одной из аксиом современной синергетики.

вия как такового. В чем же состоит смысл организованности социального взаимодействия, результатом которого становится формирование субъекта социального творчества? По нашему мнению, оно состоит в духовно-нравственном самоопределении личности, в выборе и выработке ею ценностных оснований своего поведения в целом, а для практики социального творчества – в частности.

В-третьих, на наш взгляд, довольно сомнительным является аргументация П.А. Сорокина в пользу существования (выделения) *организованной и неорганизованной солидарно-антагонистических систем социального взаимодействия*. В отношении к четырем предыдущим (*организованно-антагонистической, неорганизованно-антагонистической, неорганизованно-солидарной и организованно-солидарной*) системам социального взаимодействия вопросов вроде бы быть и не может, поскольку, как известно, противоречия могут быть *либо* антагонистическими, *либо* неантагонистическими. Иных просто на сегодняшний день эмпирически не установлено. Этот тезис гегелевской диалектики и служит теоретико-методологическим основанием для конструирования четырех первых систем социального взаимодействия. Но вот, когда мы рассматриваем «смешанные» системы, предложенные П.А. Сорокиным, а именно организованную и неорганизованную солидарно-антагонистические системы социального взаимодействия, то настораживает сама аргументация в пользу ее выделения. «Она держится *отчасти* на принуждении, – пишет П.А. Сорокин, – *отчасти* на добровольной ее поддержке»¹. Этот же аргумент он применяет и для характеристики типов социальных отношений, выделяя семейственные, договорные и принудительные. Обращает на себя внимание нечеткость предлагаемых формулировок: ведь семейные отношения вполне могут быть как договорными (например, брачный контракт), так и принудительными (например, продажа невесты за калым и т.д.). В результате, в одних семьях вырастают самостоятельные и духовно зрелые люди, а в других – нет.

Кроме того, *принуждение* в той или иной мере присутствует и в *организованной и неорганизованной солидарной системах социального взаимодействия*. Следует также помнить, что *принуждение* отнюдь не равнозначно *насилию*, которое как раз и говорит об антагонизме. Но вот вопрос: что, собственно, смешивается в таких идеальных конструкциях? Ведь известно, что *далеко не все элементы солидарного и антагонистического поведения транспарентны*, т.е. допускают вза-

¹ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. С.559.

имное существование друг друга. Так можно ли их «смешать», и, что самое главное, бывают ли все-таки такие *паллиативные* системы социального взаимодействия в действительности?

В-четвертых, весь смысл социокультурной динамики у П.А. Сорокина представлен как постоянная борьба *чувственной* и *идеациональной* систем культуры. Но было бы правильнее рассуждать о взаимодействии различных систем культуры, в процессе которого появляется и развивается способность личности к социальному творчеству. Термин *флуктуация*, используемый П.А. Сорокиным, до конца так и не прояснен. А можно было бы представить это понятие как *духотворение* в процессе развития и взаимодействия различных культурных систем. Тогда субъект этих систем – личность предстает перед нами как источник духа, как его некий генератор. *Флуктуация* как раз и представляет собой духовную деятельность. Родовой и сущностной деятельностью человека является *духотворение*, духовная его деятельность или то, что В.С. Соловьев называл «*работой со смыслами*».

Обратимся теперь к конкретным признакам социокультурной динамики. Феномен социального творчества личности характеризуется таким признаком, как *экстенсивность*. Подразумевая, вслед за П.А. Сорокиным, под данным признаком долю поступков и психологических переживаний, обусловленных взаимодействием, от всех поступков и переживаний, из которых состоит жизнь людей, мы можем отметить, что чем больше эта доля в общем объеме поступков и переживаний человека, тем выше качество социального творчества (нормотворчества).

Короче говоря, социальное творчество представляет собой ту долю поступков и переживаний личности, которые сформировались в процессе социального взаимодействия (а не в сфере индивидуально-эгоистического индивидуализма). В той мере, в какой личность включена в процессы социального взаимодействия (например, в общественное разделение труда и т.п.), она становится субъектом социального творчества.

Отсюда напрашивается вывод о том, что организованно-солидарное социальное взаимодействие (например, посредством создания условий для коллективного социального творчества) является *наилучшим* для формирования личности субъекта социального творчества. И, наоборот, неорганизованная антагонистическая система социального взаимодействия минимизирует само взаимодействие, что объективно мешает развитию способностей к социальному творчеству.

ву. Поскольку при разрушении реального социального взаимодействия разрушается и духовная культура, которая, как известно, является, в определенном смысле слов, системой не только индивидуальных, но и общественных идеалов, постольку деформируются и угасают способности к социальному творчеству. Не случайно поэтому в антагонистических социальных системах в общественном сознании и общественной психологии наиболее распространены стереотипы гедонизма и эгоизма, тогда как в солидарных социальных системах в общественном сознании (и психологии) преобладают противоположные мотивы (гуманизма, альтруизма и т.д.).

Феномен социального творчества личности характеризуется также признаком *интенсивности*. В своих сочинениях П.А. Сорокин не дал четкого определения данного понятия. В традиционной же интерпретации под интенсивностью подразумевают напряженность некоего процесса (усилия, действия). Думается, что такое традиционное определение вполне подходит и для характеристики феномена социального творчества личности, которое может иметь разную степень интенсивности (напряженности). Так, одним людям легче даются решения некоторых вопросов, и они легко справляются с возникающими требованиями в процессе своей деятельности; другим людям это дается труднее, тяжелее. Здесь могут сказываться не только психологические особенности самой личности или ее стартовые (изначально получаемые в семье, школе, дружеской компании и т.д.) ценностные установки, освоение и переработка (совершенствование) которых также могут быть затруднены в силу их специфики, устойчивости и проч. Необходимо также помнить и об условиях внешней (социальной, культурной, природной) среды, в которых находится каждая отдельно взятая личность. Благоприятные условия объективно способствуют более успешному самоопределению, более эффективной самодетельности, более облегченному освоению и усвоению принципов и норм социально ответственного поведения; неблагоприятные условия внешней среды затрудняют этот процесс.

Органично связана с *направленностью* социально взаимодействия и такая характеристика феномена социального творчества личности, как ее собственная *направленность*. Но здесь есть одно очень существенное различие: направленность социального взаимодействия становится *солидарной*, когда устремления и усилия одной стороны совпадают с устремлениями и усилиями другой стороны. И тогда, казалось бы, сами понятия *социального взаимодействия* и *социального творчества* вроде бы сближаются настолько, что могут быть воспри-

няты как синонимы. Но если устремления и усилия одной стороны не совпадают с устремлениями и усилиями другой стороны, то складывается (по логике П.А. Сорокина) *антагонистическое взаимодействие* (точнее, его было бы называть *противодействием*), которое свидетельствует об отсутствии социального консенсуса и тем самым об отсутствии социальной и духовной гармонии (единства) в поведении одной (или обеих) сторон.

Но ведь это не так. Когда судья выносит приговор и, в соответствии с законом, наказывает подсудимого, чья вина установлена, он выступает по отношению к такому подсудимому как его антагонист, но при этом поступает вполне социально ответственно. Когда же судья выносит приговор подсудимому, чья вина не доказана, он поступает как антагонист и при этом творит произвол, т.е. ведет себя социально безответственно. Поскольку социальная ответственность один из ключевых признаков социального творчества, то в одном случае судья выступает как субъект социального творчества, а в другом – нет. Следовательно, критерием социального творчества в сфере социального взаимодействия может быть только общепринятая норма (морали, права и т.д.), тогда как в структуре самой социальной ответственности личности субъекта социального творчества, помимо таких норм, вполне допустимы и *собственные* индивидуальные нормы и установки. Никто ведь не заставляет, например, личность вести себя жертвенно и совершать подвиг. Она сама избирает для себя такую модель поведения, руководствуясь собственными представлениями о приоритетности тех или иных требований социальной ответственности.

Таким образом, направленность социальной ответственности личности, строго говоря, может не соответствовать общей направленности всей системы социального взаимодействия между нею и обществом в целом, но при этом никакого антагонизма автоматически не возникает, а складывающиеся противоречия между личностью и обществом снимаются без всякого насилия.

Наконец, характеристика социокультурной динамики формирования субъектов социального творчества была бы не полной, если бы мы не обратились к такому ее признаку, как *продолжительность* (длительность). Длительность социального творчества отнюдь не предполагает его постоянность, непрерывность. Социальное творчество имеет и должно иметь свои четкие временные границы. Ни во сне, ни в коме человек не может быть субъектом социального творчества. Кроме того, следует учитывать и возрастные и физиологические

границы: несовершеннолетние или недееспособные лица также не могут выступать в качестве субъектов социального творчества. И хотя самоопределением и самодеятельностью такие лица могут заниматься, но нормотворчеством – нет, а их социальная ответственность остается весьма ограниченной.

Вне социального взаимодействия социальное творчество развиваться не может, но само по себе социальное взаимодействие еще не является исчерпывающим основанием для развития социального творчества. И здесь опять-таки следует признать ключевое значение духовной культуры в генезисе феномена социального творчества и его субъектов.

Л.А. Журавлева

МОЛОДЕЖЬ КАК КРЕАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА

Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ "Город как наркогенное пространство" № 11-13-66012 а/у

Молодежь – социально-демографическая группа общества, выделяемая на основе совокупности возрастных характеристик и особенностей социального положения и обусловленных тем или другим социально-психологическим свойством, которое определяется уровнем социально-экономического, культурного развития, особенностями социализации в российском обществе.

Возрастные пределы молодежи отражают основные жизненные вехи, которые определяются временем получения образования, приобретения профессии, вступления в трудовую жизнь, создания семьи, становления экономической самостоятельности и моральной и юридической ответственности и т.д. Освоение различных сфер жизнедеятельности происходит не одновременно, а в течение ряда лет. Включение молодого человека в эти сферы изменяет его сознание, интересы, потребности, стиль поведения и образ жизни.

Молодость – это важнейший этап жизненного пути, в рамках которого происходит интенсивная самореализация личности, завершается ее социальное определение (профессиональное, политическое, нравственное). Это период становления и развития личности, ее самоутверждения в обществе. Это противоречивый этап: и подготовки к жизни и одновременно начала самостоятельной жизни.

Возрастной диапазон молодежной группы – от 14-16 до 30 лет, хотя эти границы достаточно условны и подвижны, зависят от исторических и социально-экономических условий.